16. Kim Chan Chzhin. Gosudarstvennaja vlast' i kooperativnoe dvizhenie v Rossii – SSSR (1905 – 1930). M.: In-t ros. istorii RAN, 1996.

17. Konovalov I.N. Sel'skohozjajstvennaja kooperacija V Rossii v konce XIX – nachale XX v. (na materialah gubernij Severnogo, Priural'skogo i Povolzhskogo rajonov): dis. … d-ra ist. nauk. Saratov, 1999.

18. Korelin A.P. Kooperacija i kooperativnoe dvizhenie v Rossii. 1860 – 1917 gg. M.: Ros. polit. jencikl. (ROSSPJeP), 2009.

19. Lubkov A.V. Vojna. Revoljucija. Kooperacija. M.: Prometej, 1997.

20. Lubkov A.V. Kooperativnaja model' obnovlenija Rossii: dorevoljucionnyj opyt // Modeli obshhestvennogo razvitija Rossii: proekty i avtory (vtoraja polovina XIX v. – nachalo XX v.) / otv. red. P.Ju. Savel'ev. M.: Prometej, 2006. S. 136–156.

21. Lubkov A.V. Kooperativnoe dvizhenie Central'noj Rossii. 1907 – 1918: dis. … d-ra ist. nauk. M., 1998.

22. Mironov B.N. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX vv.). SPb., 1999. T. 2. Gl. 10. S. 196–283.

23. Nevlev V.V. Jevoljucija kreditnoj potrebitel'skoj kooperacii v Rossii: teoretiko-pravovoe issledovanie: dis. … kand. jurid. nauk. Belgorod, 2014.

24. Nikolaev A.A. Teorija i praktika kooperativnogo dvizhenija. M., 1909. Vyp. 2.

25. Pivovarov N.Ju. Organizacija i dejatel'nost' Sojuza sibirskih kooperativnyh sojuzov (Zakupsbyta) v aprele 1916 – fevrale 1920 goda: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Novosibirsk, 2013.

26. Prokopovich S.N. Kooperativnoe dvizhenie v Rossii. Ego teorija i praktika. M., 1918.

27. Totomianc V.F. Osnovy kooperacii. Berlin, 1923.

28. Totomianc V.F. Potrebitel'nye obshhestva. Istorija, teorija i praktika. SPb.: Ulej, 1908.

29. Tugan-Baranovskij M.I. Social'nye osnovy kooperacii. M.: Jekonomika, 1989.

30. Tjukavkin V.G., Bolotova E.Ju. Otnoshenie carskogo pravitel'stva k sel'skoj potrebitel'skoj kooperacii v konce XIX – nachale XX v. // Mezhvuzovskaja nauchnaja programma: russkij jazyk, kul'tura, istorija: sb. materialov II Nauch. konf. lingvistov, literaturovedov, fol'kloristov. M., 1997. S. 188–213.

31. Uzlov Ju.A. Kooperativnoe dvizhenie kak fak-tor formirovanija grazhdanskogo obshhestva Rossii nachala XX v. // Obshhestvo: sociologija, psihologija, pedagogika. 2011. № 1-2. S. 106–114.

32. Fajn L.E. Rossijskaja kooperacija: istoriko-teoreticheskij ocherk. 1861–1930. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2001.

33. Hejsin M.L. Istorija kooperacii v Rossii. L., 1926.

Study of cooperative movement history in the context of formation of the elements of civil society in Russia in early XX century

The article presents the works of modern researchers studying the history of the pre-revolutionary cooperative movement in the context of the issues of formation of the elements of civil society in Russia in the early XX century. The author traces the continuity in the evaluation of cooperation in various historical periods, makes conclusions on the formation of the new conceptual approaches in the 1990-2000s in the analysis of the historical experience of Russian cooperation.

Key words: *historiography, cooperation, cooperative movement, civil society.*

(Статья поступила в редакцию 31.08.2018)

Г.В. ГАРБУЗ, С.А. УРАЗОВА
(Пенза)

ОБЩАЯ ПОЛИЦИЯ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В ПОВОЛЖЬЕ В 1905–1907 гг.

Рассматриваются состояние общей полиции в Поволжье накануне первой российской революции и роль этой структуры в системе местного управления. Основное внимание уделяется анализу борьбы полицейских структур с массовыми революционными выступлениями в регионе в 1905–1907 гг.

Ключевые слова: *общая полиция, местное управление, губернаторы, полицейская стража, революционные выступления.*

Роль полиции в деятельности государственной машины Российской империи сложно переоценить. С момента создания в XVIII в. на каждом новом этапе исторического развития полицейские структуры только расширяли свои полномочия и компетенцию. Неслучайно при определении характера политического режима в период самодержавия часто используется термин *полицейский*. К началу XX в., когда самодержавный административный ап-

© Гарбуз Г.В., Уразова С.А., 2018

парат достиг апогея своего развития, под полицейской деятельностью понималась уже не только охрана правопорядка, но и значительный круг вопросов общего управления [17, с. 135]. Основной структурой в полицейском аппарате этого периода была общая полиция. Ее подразделения были элементом с самым многочисленным составом в системе местного управления и являлись основными проводниками правительственной политики на местах.

Ключевая роль общей полиции в системе государственного управления дореволюционной России определяет постоянный интерес к этому институту в отечественной историографии [12–14; 16–18]. В поле зрения современных исследователей попали вопросы организации общей полиции в общеимперском масштабе и организационные особенности в отдельных регионах, проблемы взаимодействия с политической полицией и другими государственными структурами, правовые основы и отдельные направления ее деятельности. Данная статья дополнит картину анализом реализации общей полицией в Поволжье одной из основных своих функций – охраны общественного порядка и безопасности в условиях революционных катаклизмов.

В отличие от политической полиции, имевшей централизованную общеимперскую структуру и действовавшей на местах почти автономно, общая полиция находилась под непосредственным руководством губернаторов, для которых она являлась основным инструментом управления губернией [11, с. 13]. Губернатор имел широкие возможности для контроля над полицейским аппаратом. Он самостоятельно назначал на должности всех полицейских чиновников – полицмейстеров, уездных исправников, приставов. Утверждал назначения низших полицейских чинов – урядников, стражников, городовых. Все поощрения и взыскания полицейских в обязательном порядке санкционировались «начальником губернии». Непосредственное руководство полицией губернатор осуществлял через губернское правление, в некоторых случаях через губернаторскую канцелярию.

Общая полиция в губерниях Поволжья делилась на городскую и уездную. Городские полицейские управления во главе с полицмейстерами как самостоятельные подразделения действовали в губернских центрах и крупных уездных городах, таких как Царицын, Сызрань. Структурно городская полиция делилась на части, которыми руководили частные приставы. В городах Поволжья было от двух до пяти полицейских частей, поделенных на околотки, в которых распоряжались околоточные надзиратели. Низший состав городской полиции составляли городовые, их численность определялась из расчета один городовой на 500 жителей [16, с. 268]. Штатный состав городской полиции в начале XX в. не соответствовал требованиям времени. Расчет количества полицейских производился от базовых данных переписи 1897 г., при этом учитывался лишь естественный прирост городского населения. Без внимания правительства оставался приток сельского населения в города, стимулируемый процессами модернизации, что существенно увеличивало городское население и расширяло объем задач, стоящих перед полицией.

Самой крупной полицейской структурой в губернии была уездная полиция. В каждом уезде существовало самостоятельное полицейское управление во главе с исправником, в его распоряжении находились становые приставы (уезд делился на несколько станов). Приставы руководили урядниками (по одному уряднику на волость). Низшим звеном уездного полицейского аппарата были полицейские стражники, с 1903 г. заменившие выбиравшихся ранее крестьянским самоуправлением в помощь полиции сотских и десятских, чья деятельность была крайне неэффективной. Количество полицейских стражников определялось из расчета 1 стражник на 2 500 жителей волости [19, с. 92]. Реальное количество урядников и стражников далеко не всегда соответствовало штатному составу. В 1905 г. в Бузулукском уезде Самарской губернии на 51 волость было всего 28 урядников [1, с. 55–61]. Большие размеры подведомственной территории и малочисленность состава осложняли полиции выполнение ее обязанностей.

С каждым годом полиция брала на себя все больше не свойственных ей ранее функций, усиливая мелочную регламентацию всех сторон общественной жизни. Кроме охраны общественной безопасности и правопорядка, полиция исполняла обязанности по делам казенного управления и общественного хозяйства, судебного и военного ведомства. Полицейские следили за чистотой на улицах городов и санитарным состоянием общественных заведений, привлекались администрацией и местным самоуправлением к сбору налогов и взысканию недоимок. Полицейские чины могли исполнять ряд нотариальных обязанностей, выдавали заграничные паспорта и виды на жительство. Столь многообразные и разноплано-

вые действия, по мнению С.Н. Токаревой, нагружали чинов полиции и запутывали их обязанности [24, с. 145].

Еще одной проблемой провинциальной полиции было недостаточное материальное обеспечение. Современники отмечали, что русская полиция самая дешевая в сравнении с другими европейскими государствами [23, с. 40]. В особо тяжелом материальном положении был младший состав полицейских учреждений. В Пензе младший городовой получал всего 10 руб. в месяц [7. Л. 1]. Плохое материальное обеспечение снижало престиж полицейской службы и создавало проблемы с кадровым составом полицейских подразделений. Многие чины полиции не обладали соответствующими их служебному положению образованием и компетенциями.

Несмотря на то, что в предреволюционный период борьба с освободительным движением являлась прерогативой политической полиции, общая полиция также имела определенный опыт в этом направлении. Р.И. Личев, исследовавший взаимоотношения двух полицейских структур, отмечал, что участники революционного движения нередко совершали классические криминальные преступления (грабежи, разбои, покушения и пр.), т. е., будучи объектом полномочий политической полиции, они по составу преступления попадали в поле зрения общей полиции [13, с. 127]. Население, теснее соприкасавшееся с общей полицией, приносило урядникам и приставам найденные прокламации, сообщало о подозрительных действиях неизвестных лиц, в некоторых случаях эта информация выводила полицейских на революционеров. В то же время в поволжских губерниях, которые считались «сонной» провинцией с весьма несложной внутренней жизнью, у общей полиции не было опыта борьбы с массовыми выступлениями, что негативным образом сказалось на ее деятельности в начальный период революции.

В период революционного подъема неспособность властей всех уровней адекватно реагировать на изменения в быстро политизирующемся российском обществе привела к административному параличу, разрыву связей между центром и провинцией. В таких условиях эффективность полицейского аппарата во многом зависела от позиции губернаторов, их административный опыт и деловые способности, в конце концов, личное мужество определяли характер действий подчиненных им полицейских структур. Там, где «хозяева губерний» растерялись перед натиском революционной стихии, пользуясь попустительством администрации, слабые и разрозненные в начале 1905 г. группы революционеров стремительно набирали популярность и авторитет. Первые их выступления весной 1905 г. полиция часто игнорировала, что позволило оппозиции организоваться и взять под контроль рабочее и молодежное движение в поволжских городах [2, с. 24–25]. К осени 1905 г. вполне легально действовавшие учреждения земского и городского самоуправления, по сути, превратились в политические клубы.

Жесткую позицию по отношению к освободительному движению занимали саратовский губернатор П.А. Столыпин и пензенский – С.А. Хвостов. П.А. Столыпину удалось добиться введения на части территории губернии положения усиленной охраны, что существенно расширяло возможности полицейских учреждений. Обязательные постановления губернатора, изданные на основании положения об усиленной охране, полиция активно использовала для административных арестов, если не хватало данных для возбуждения судебного преследования лиц, подозреваемых в государственных преступлениях или принадлежности к противозаконным сообществам. Полицейские могли налагать арест на имущество, проводить по собственному усмотрению ночные обыски. Пензенский губернатор стал публиковать обязательные постановления, не дожидаясь введения положения усиленной охраны. Опираясь на его поддержку, пензенская полиция действовала решительно. Арест сходки учащихся не позволил стихийной волне беспорядков, прокатившейся по пензенским учебным заведениям в феврале 1905 г., перерасти в организованное выступление. В результате весной-летом в Пензенской губернии почти не было крупных политических акций.

Жесткая позиция губернатора облегчила пензенской полиции подавление революционных выступлений в октябрьские дни 1905 г. Октябрьская политическая стачка продолжалась в городе всего несколько дней. Не оглядываясь на свободы, дарованные Манифестом 17 октября, власти, используя силу, в течение двух дней – 18 и 19 октября – подавили вспышку революционных выступлений, вызванную опубликованием этого документа [20. Л. 404об].

В большинстве городов Поволжья в октябрьские дни полиция, как и другие административные органы, проявила полную растерянность. В Самаре неудачная попытка пра-

воохранительных органов продемонстрировать силу при разгоне демонстрации 13 октября 1905 г. сопровождалась неуклюжими попытками губернского начальства отмежеваться от произошедших событий. На требования общественности дать объяснения действиям казаков и полиции губернатор и полицмейстер отвечали, что «они не причем» [21]. В Казани 19 октября, после официального обнародования Манифеста, городская дума приняла решение о создании народной милиции, а революционные активисты стали разоружать полицию [15, с. 52]. Лишь активное использование воинских контингентов и общий спад революционной волны в конце 1905 г. позволил силам правопорядка взять ситуацию под контроль.

Не имея возможности собственными силами предотвратить революционные выступления, полиция в некоторых случаях пыталась опереться на консервативные круги провинциального общества. Успех таких действий во многом зависел от способности правоохранительных органов сохранять общий контроль над ситуацией. Наиболее успешно использовала черносотенный прессинг пензенская полиция. Угроза черносотенных погромов заставила дирекцию закрыть в конце октября пензенское художественное училище, являвшееся одним из главных центров революционной активности. Еврейских погромов в Пензе в октябрьские дни 1905 г. полиция не допустила [6. Л. 696]. 19 октября полиция спровоцировала столкновение черносотенцев с революционными демонстрантами. Превратив мирное шествие в открытые беспорядки, власти получили законное право использовать против оппозиции заранее подготовленные воинские и полицейские контингенты. В уездах по распоряжению губернатора исправники выдавали оружие «лицам, заслуживающим доверия», привлекая их к участию в подавлении беспорядков [Там же. Л. 280].

Там, где полиция не могла в полной мере контролировать положение, спровоцированные властями или стихийные черносотенные выступления несли серьезную угрозу общественной безопасности и порядку. После издания Манифеста 17 октября столкновения между революционерами и правомонархистскими экстремистами произошли в Казани, Саратове, Сызрани. С большим трудом полиции удалось предотвратить погромы в Самаре и Астрахани [15, с. 53–56]. В некоторых случаях агрессия черносотенцев обращалась против самой полиции. В Симбирске избивавшие полицейских погромщики кричали: «И вы заодно с крамольниками» [9. Л. 7об]. Ответом революционеров стали террористические акты против полицейских начальников, виновных в организации погромов, пензенского полицмейстера Д.Д. Кандаурова, сызранского – М.Д. Работкина.

В поволжской деревне малочисленная уездная полиция оказалась совершенно не готова противостоять массовым крестьянским выступлениям. Нехватка сил правопорядка в уездах начала сказываться уже летом 1905 г. В августе для разгона демонстрации в г. Бугуруслане Самарской губернии местная полиция использовала пожарную команду [25. Л. 40 об]. Ощущая свое бессилие перед народной стихией, полицейские чиновники часто вовсе прекращали какое-либо противодействие крестьянским выступлениям или просто бежали из уездов, оставляя население на произвол судьбы. В то же время на начальном этапе аграрного движения у крестьян еще были сильны традиции подчинения и страх перед властью. Решительные действия даже немногочисленных стражей порядка могли снизить размах аграрных выступлений. Симбирский губернатор Л.В. Яшвиль вспоминал, как единственный оставшийся в Курмышском уезде пристав спасал помещичьи амбары от погромов, прикладывая к замкам казенную печать [28].

Отсутствие единства и взаимопонимания в высших эшелонах власти лишало полицию уверенности в своих действиях. Самарский губернатор Д.И. Засядко уволил со службы полицейских, которые во время разгона манифестации в г. Бузулуке, спасая свою жизнь, стреляли в толпу [27. Л. 12]. В то же время министр внутренних дел снял с должности исправника в Буинском уезде соседней Симбирской губернии, не решившегося применить в столкновении с крестьянами военную силу [22, с. 102].

Отчаявшись навести порядок собственными силами, местная администрация главную надежду возлагала на войска, расквартированные в губерниях. Полицейские чиновники получили возможность обращаться за помощью напрямую к начальникам воинских подразделений, минуя вышестоящие инстанции. Они вызывали войска при малейшем подозрении на беспорядки, что раздражало армейское начальство, т. к. вести боевую подготовку войск в таких условиях не было никакой возможности. Доходило до того, что армейские командиры открыто игнорировали просьбы наибо-

лее беспокойных исправников [26. Л. 61]. В такой ситуации, чтобы компенсировать нехватку сил правопорядка и дать полиции собственную боевую силу для борьбы с революционными выступлениями, тем самым уменьшить ее зависимость от армейских подразделений, было принято решение о создании не совсем обычной для МВД структуры – уездной конно-полицейской стражи, которая имела двоякое назначение: с одной стороны, несла чисто полицейские функции по охране общественного порядка и безопасности, с другой – представляла собой воинскую часть, предназначенную для подавления беспорядков силой оружия [4].

Местная администрация активно подталкивала помещиков к созданию частной полицейской стражи, которую полицейское руководство имело право использовать для подавления аграрных беспорядков по своему усмотрению, хотя и с согласия лиц, ее финансировавших. В наиболее кризисный период революции в декабре 1905 г. в Пензенской губернии на 259 стражников, содержащихся за счет казны, приходилось 223, которых содержали за свой счет землевладельцы [8. Л. 103].

Зимой 1906 г. волна аграрных выступлений пошла на убыль. Отчасти этому способствовали действия властей, позиции которых в деревне укрепились с созданием новых полицейских подразделений и прибытием дополнительных воинских контингентов. Появился опыт в подавлении крестьянских выступлений. Но главным сдерживающим фактором были надежды крестьян получить землю законным путем из рук Государственной думы. После роспуска I Думы летом 1906 г. аграрные беспорядки в поволжских губерниях вспыхнули с новой силой. Благодаря организационной деятельности революционных партий крестьянские выступления стали более организованными и многочисленными, нередко эти выступления были направлены непосредственно против сил правопорядка. В селе Матвеевка Николаевского уезда Самарской губернии в столкновении с крестьянами погиб пристав, в селе Каменке Пензенской губернии – уездный исправник [5, с. 552]. Крестьянское движение пошло на убыль лишь в ходе общего отступления революции осенью 1906 г.

В провинции судьба революции во многом решалась личным противостоянием царской администрации и революционеров. Этим обстоятельством обусловлен невиданный размах революционного террора, жертвами которого становились в том числе полицейские. По данным А.В. Быкова, за первые полтора года революции было убито и ранено 885 чинов полиции [3, с. 164]. Смертельно опасной полицейская служба оставалась вплоть до конца революции. В апреле 1907 г. в Симбирской губернии от рук эсеров погиб карсунский исправник Шемякин. Гибель рядовых полицейских в борьбе с революционным движением стала обыденным явлением.

Анализ развития общей полиции накануне первой российской революции в очередной раз подтверждает тезис о неготовности российского самодержавия к изменениям в общественной жизни, порожденным процессом модернизации начала XX в. [10, с. 40–48]. Революционный взрыв 1905 г. стал для полицейских структур в Поволжье полной неожиданностью. Недостаток личного состава, слабое материальное обеспечение, низкая квалификация сотрудников, отсутствие опыта борьбы с массовыми протестами не позволили общей полиции остановить рост революционной стихии. Только существенные системные перемены – увеличение численности, создание новых структур (в первую очередь конно-полицейской стражи), законодательное обеспечение усиления репрессий, а также приобретение полицейскими органами определенных навыков борьбы с революционными выступлениями – позволили силам правопорядка постепенно взять ситуацию в регионе под контроль.

Усиление общей полиции воинскими контингентами в период революции вполне закономерно. Полицейские структуры, адаптированные к деятельности в условиях относительной общественной стабильности, не способны самостоятельно обеспечить надежную защиту правопорядка в условиях резкого и многократного увеличения социальной конфронтации.

Список литературы

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 г. Самара: Губ. типография, 1905.

2. Болотов Н.А., Болдырев Ю.Ф., Комиссарова Е.В. Общественные движения Волгодонского региона в первой русской революции (1905–1907 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 7-2. С. 23–29.

3. Быков А.В. Проблемы развития полиции России в условиях революции 1905–1907 годов и Первой мировой войны // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции).

СПб: С.-Петерб. ун-т МВД России. 2017. С. 163–166.

4. Гарбуз Г.В. Полицейская стража в России в начале XX в. // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2011. № 23. С. 368–372.

5. Гарбуз Г. В. Июльский политический кризис 1906 г. в Поволжье // Изв. Пенз. гос. пед. ун-та им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 551–554.

6. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 7563.

7. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7566.

8. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7587.

9. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 7. Д. 314.

10. Карнишин В.Ю. Модернизация России в конце XIX – начале XX в.: позднеимперское измерение // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионального развития. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджари АН РТ , 2012. С. 40–48.

11. Карнишина Н.Г. Институт губернаторства в Российской империи в 1850-1890 гг. // Изв. высш. учеб. заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 2 (34). С. 12–22.

12. Киселев А.А. Общая полиция Минской губернии в начале XX в. // Вестн. Полес. гос. ун-та. Сер. общественных и гуманитарных наук. 2016. № 2. С. 3–8.

13.Личев Р.И. Сотрудничество политической и общей полиции Тобольской губернии в начале XX века // Вестн. Тюм. гос. ун-та. 2012. № 2. С. 126–132.

14. Макеев В.В. Организационно-правовая структура и функции общей полиции на Дону в конце XIX – начале XX века // Философия права. 2014. № 5(66). С. 87–90.

15. Михайлова Е.М. Манифест 17 октября 1905 года и политическое противостояние в Поволжье в октябрьские дни 1905 года // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 4. С. 51–57.

16. Мухамедов Р.А., Романова А.В. Деятельность старших и младших городовых общей полиции (на материалах Симбирской губернии) // Изв. Самар. науч. центра Рос. академии наук. 2017. Т. 19. № 3(2). С. 268–272.

17. Петров А.В. Проблемы организации общей полиции в Российской империи в начале XX в. // Вестн. Оренб. гос. ун-та. 2004. № 3. С. 134–137.

18. Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань: Узорочье, 2001.

19. Романова А.В. Организация исполнительной полиции в уездах Российской империи в 1862–1917 гг. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 90–93.

20. Российский государственный исторический архив. Ф. 1263. Оп. 4. 1905. Д. 49.

21. Самарская газета. 1905. 25 окт.

22. Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М.: Наука, 1989.

23. Снегирев И.М. Безопасность и полиция. Витебск: Тип. Губ. правл., 1912.

24. Токарева С.Н. Административно-исполнительные обязанности полицейских управлений Российской империи начала XX столетия // Власть. 2013. № 1. С. 141–145.

25. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 193.

26. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1913.

27. ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1922.

28. Яшвиль Л.В. Первая русская революция глазами симбирского губернатора // Слово молодежи. 1991. 23 марта.

* * *

1. Adres-kalendar' Samarskoj gubernii na 1905 g. Samara: Gub. tipografija, 1905.

2. Bolotov N.A., Boldyrev Ju.F., Komissarova E.V. Obshhestvennye dvizhenija Volgodonskogo regiona v pervoj russkoj revoljucii (1905–1907 gg.) // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. 2015. T. 7. № 7-2. S. 23–29.

3. Bykov A.V. Problemy razvitija policii Rossii v uslovijah revoljucii 1905–1907 godov i Pervoj mirovoj vojny // Gosudarstvo i pravo: jevoljucija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija (navstrechu 300-letiju rossijskoj policii). SPb: S.-Peterb. un-t MVD Rossii. 2017. S. 163–166.

4. Garbuz G.V. Policejskaja strazha v Rossii v nachale XX v. // Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. V.G. Belinskogo. 2011. № 23. S. 368–372.

5. Garbuz G. V. Ijul'skij politicheskij krizis 1906 g. v Povolzh'e // Izv. Penz. gos. ped. un-ta im. V.G. Belinskogo. 2012. № 27. S. 551–554.

6. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO). F. 5. Op. 1. D. 7563.

7. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7566.

8. GAPO. F. 5. Op. 1. D. 7587.

9. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti. F. 76. Op. 7. D. 314.

10. Karnishin V.Ju. Modernizacija Rossii v konce XIX – nachale XX v.: pozdneimperskoe izmerenie // Istoricheskij opyt rossijskih modernizacij XIX–XXI vekov: specifika regional'nogo razvitija. Kazan': In-t istorii imeni Sh. Mardzhari AN RT, 2012. S. 40–48.

11. Karnishina N.G. Institut gubernatorstva v Rossijskoj imperii v 1850-1890 gg. // Izv. vyssh. ucheb. zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki. 2015. № 2 (34). S. 12–22.

12. Kiselev A.A. Obshhaja policija Minskoj gubernii v nachale XX v. // Vestn. Poles. gos. un-ta. Ser. obshhestvennyh i gumanitarnyh nauk. 2016. № 2. S. 3–8.

13. Lichev R.I. Sotrudnichestvo politicheskoj i obshhej policii Tobol'skoj gubernii v nachale XX veka // Vestn. Tjum. gos. un-ta. 2012. № 2. S. 126–132.

14. Makeev V.V. Organizacionno-pravovaja struktura i funkcii obshhej policii na Donu v konce XIX –

nachale XX veka // Filosofija prava. 2014. № 5(66). S. 87–90.

15. Mihajlova E.M. Manifest 17 oktjabrja 1905 goda i politicheskoe protivostojanie v Povolzh'e v oktjabr'skie dni 1905 goda // Vestn. Chuvash. un-ta. 2013. № 4. S. 51–57.

16. Muhamedov R.A., Romanova A.V. Dejatel'nost' starshih i mladshih gorodovyh obshhej policii (na materialah Simbirskoj gubernii) // Izv. Samar. nauch. centra Ros. akademii nauk. 2017. T. 19. № 3(2). S. 268–272.

17. Petrov A.V. Problemy organizacii obshhej policii v Rossijskoj imperii v nachale XX v. // Vestn. Orenb. gos. un-ta. 2004. № 3. S. 134–137.

18. Reent Ju.A. Obshhaja i politicheskaja policija Rossii (1900–1917 gg.). Rjazan': Uzoroch'e, 2001.

19.Romanova A.V. Organizacija ispolnitel'noj policii v uezdah Rossijskoj imperii v 1862–1917 gg. // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. № 8. S. 90–93.

20. Rossijskij Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. F. 1263. Op. 4. 1905. D. 49.

21. Samarskaja gazeta. 1905. 25 okt.

22. Senchakova L.T. Krest'janskoe dvizhenie v revoljucii 1905–1907 gg. M.: Nauka, 1989.

23. Snegirev I.M. Bezopasnost' i policija. Vitebsk: Tip. Gub. pravl., 1912.

24. Tokareva S.N. Administrativno-ispolnitel'nye objazannosti policejskih upravlenij Rossijskoj imperii nachala XX stoletija // Vlast'. 2013. № 1. S. 141–145.

25. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO). F. 3. Op. 233. D. 193.

26. CGASO. F. 3. Op. 233. D. 1913.

27. CGASO. F. 3. Op. 233. D. 1922.

28. Jashvil' L.V. Pervaja russkaja revoljucija glazami simbirskogo gubernatora // Slovo molodezhi. 1991. 23 marta.

General police in the struggle against the revolutionary movement in the Volga region in 1905-1907

The article deals with the state of the general police in the Volga region on the eve of the first Russian revolution and the role of this structure in the system of local administration. Main attention is paid to the analysis of the struggle of police structures with the mass revolutionary uprisings in the region in 1905-1907.

Key words: *general police, local administration, governors, police guards, revolutionary uprisings.*

(Статья поступила в редакцию 31.07.2018)

Н.А. БОЛОТОВ
(Волгоград)

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ И ПОДГОТОВКА КАДРОВ КАК МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В 20–30-е гг. XX в.

Освещаются важнейшие проблемы социальной политики Советского государства в период новой экономической политики и социалистической модернизации. На конкретных примерах рассматриваются меры, направленные на борьбу с безработицей и планомерное развитие системы подготовки рабочих кадров для развивающейся быстрыми темпами промышленности.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, индустриализация, безработица, биржи труда, демобилизованные красноармейцы, молодежь, подготовка рабочих кадров, школы ФЗУ, квалифицированные рабочие кадры.*

20–30-е гг. XX в. в истории России занимают особое место по сложности происходивших в то время социально-экономических и политических событий: неизжитые последствия мировой и гражданской войн, сплошная коллективизация с ее раскулачиванием, насильственным переселением населения, форсированной индустриализацией, голод 1921 и 1932–1933 гг., массовые репрессии и т. д. Остановимся на двух мерах социальной политики государства в 1920–1930-е гг. – на проблеме безработицы и подготовки кадров, т. к. от решения этих вопросов зависела дальнейшая судьба социально-экономической реконструкции народного хозяйства СССР, судьба самой советской власти.

Исследовательский интерес к социальным проблемам 1920–1930-х гг. во многом продиктован «социальным заказом» последних лет. Современная модернизация социально-экономического развития России обнажила многие проблемы общественного развития, решение которых требует обращения в том числе и к опыту периода НЭПа, индустриализации.

Переход к НЭПу усилил социальное расслоение общества и привел к серьезным изменениям в социальном укладе жизни. Страх потерять работу, падение уровня жизни, усталость от тягот повседневной жизни вызывали у рабочих чувство беззащитности перед про-

© Болотов Н.А., 2018